

Александра Парвицкая

Ода безликому герою

Когда слова отнимают,
справедливость берет клинок.

Александра Парвицкая
Ода безликому герою

«Автор»

2026

Парвицкая А.

Ода безликому герою / А. Парвицкая — «Автор», 2026

мрачное городское фэнтези о девушке, которая променяла имя на маску, а молчание - на сталь. Десять лет заточения научили её не доверять словам. Вернувшись в город, она обнаруживает: её имя стало приговором, а милосердие - риском. В мире, где даже тень облагается налогом, она бросает вызов несправедливости - стирает долги, защищает слабых и идёт туда, где рождается страх: к башне своего отца. Её путь - это не просто бунт, а попытка сломать систему, построенную на боли.

© Парвицкая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александра Парвицкая

Ода безликому герою

Глава 1

Глава первая. Башня.

Ей было семь, когда она впервые увидела, как голод выглядит изнутри.

Она сбежала из дворца через кухонную дверь, ту самую, мимо которой всегда стояла Сесилия, кухарка с добрыми глазами и руками, загрубевшими от кипятка и ножей. Сесилия всегда тайком подсовывала ей тёплый пирожок, когда никто не видел, и шептала: "Не говори отцу, а то он скажет, что ты портишь аппетит перед ужином".

Дождавшись, пока Сесилия отвернётся, она сбежала из дворца через кухонную дверь - ей было слишком интересно, что происходит снаружи. Она добежала до нищих кварталов, где дышать было тяжело от запаха гнили и несвежего хлеба.

Там сидела старуха и кормила детей. Не своих, а чужих. Кормила тем, что у неё было: миской варёной крупы, которую она делила на двенадцать частей, хотя сама оставалась голодной.

Там она и встретила его - мальчика по имени Кай. Он был чуть старше, худой, с вечно ободранными коленями и смехом, который звучал как вызов всему этому мрачному кварталу. Он не просил еды, он гордо отказывался, пока она не сказала: "Это не милостыня. Это обмен. Ты покажешь мне окрестности, а я принесу хлеба". Так и началась их дружба.

Кай не показывал ей ничего особенного. Он просто водил её по своим родным улицам, по которым бегал каждый день. Показывал, где можно найти чистый ручей, где растут дикие яблоки, где живёт жестянщик, который чинит всё за монету.

Обычный город, обычная жизнь. Но она видела другое: не яблоки и не ручей, а то, как стражник у моста берёт монеты с торговцев, как старуха у стен судилища не решается войти, как дети жмутся к стенам, когда проезжает карета чиновника.

Кай проходил мимо этого каждый день и не замечал, для него это было как воздух, как дождь - просто часть его мира. А она видела впервые, и каждый раз что-то внутри натягивалось, как тетива.

"Они не злые, - говорил Кай, будто оправдывая весь этот мир. - Они просто привыкли".

"А я не хочу привыкать", - отвечала она.

И она не привыкала. Она носила хлеб. Сначала в подоле, потом в маленьком мешке, который Кай сшил из лоскутов. Она ходила к старосте квартала, требовала справедливости, не стесняясь называть своё имя. Имя работало, на неё обращали внимание. Но внимание - это палка о двух концах.

Отца звали лордом Вэйром, и он был человеком, который считал порядок важнее правды. Его беспокоили три вещи: репутация, статус и богатство. Люди в эту схему не входили.

Его младшая дочь - та, что должна была украшать дворец, улыбаться на приёмах и молчать, когда говорят старшие, - таскает хлеб в трущобы, защищает бродяг перед магистратом и открыто называет чиновников ворами. Младшая дочь, которая подрывает всё, ради чего он строил свою жизнь.

Старшая, Лира, была другим человеком. Тихой, послушной, вышивающей у окна. Она не спорила с отцом не потому, что была согласна, а потому что боялась его так сильно, что страх давно заменил ей волю. Она смотрела, как младшую наказывают, и каждый раз думала: "Лишь бы не я". И каждый раз молчала.

Первый раз он вызвал её к себе, когда ей было девять.

"Ты - дочь этого дома, - сказал он. - Ты не ходишь в трущобы. Ты не кормишь бродяг. Ты не позоришь род".

Она молча выслушала. Кивнула. И на следующий день снова ушла в нижний город.

Второй раз - когда ей было одиннадцать. Он лишил её прогулок по саду, запер в комнате на неделю. Она сидела и смотрела в окно, а когда её выпустили - вернулась к нищим, как будто ничего не случилось.

Третий раз - когда ей было тринадцать. Он пригрозил: "Ещё раз - и ты пожалеешь"

Она посмотрела ему в глаза - прямо, без вызова, но и без покорности - и сказала тихо:

"Я уже жалею. Жалею, что вы не видите, как они живут".

Он отвернулся. Не потому что слова ранили, а потому что слова были лишними, а лишнее нужно убирать.

В пятнадцать она стала слишком опасной. Не силой, а голосом. Тем, что говорила вслух то, о чём все знали, но молчали.

Чиновники пришли к отцу. Не с угрозами, а с обеспокоенностью:

"Ваша дочь будоражит народ. Это может привести к беспорядкам. Вы ведь понимаете, лорд Вэйр, что стабильность важнее справедливости?"

Он понимал. Он всегда понимал.

А потом выяснилось, что за её побегами следили не только стражники. На кухне был доносчик. И когда отец узнал, через какую дверь она ускользает, первым наказанием стала не она.

Сесилию выпороли на заднем дворе, при всех слугах, чтобы "другим послужило уроком". Она не открывала дверь. Не помогала. Просто отвернулась. Но этого было достаточно: её сочли виновной в том, что не уследила.

Девочка узнала об этом от служанки, которая плакала, пряча лицо в полотенце. Она стояла в коридоре, и мир вдруг стал слишком громким: крики, плач, стук каблуков, шелест юбок и тишина, которая повисла после удара плети.

В тот вечер она не пошла к Каю. Она стояла у окна и смотрела на город, и впервые поняла, что её доброта имеет цену. И эту цену платят другие. Сесилия, которая просто отвернулась, голодные дети, Кай, который каждый день был рядом, ничего не требуя.

"Если я буду просто носить хлеб, - думала она, - они будут наказывать тех, кто мне помогает. Значит, нужно сделать так, чтобы наказывать стало невыгодно. Чтобы те, кто поднимает руку, сами боялись".

Эта мысль была не про месть. Она была про силу. Про то, что справедливость без силы - это просьба, которую можно проигнорировать. А справедливость со сталью - это слово, которое нельзя не услышать.

В ту ночь отец долго сидел в своём кабинете. Перед ним лежал клинок, не парадный, не украшенный. Тяжёлый, с матовым лезвием. Клинок, которым приводили в исполнение приговоры, когда хотели, чтобы было тихо.

Он не колебался. Он решал задачу.

Девочку привели в тронный зал на рассвете. Лира стояла у колонны, бледная, с подрагивающими губами, но не двинулась с места. Стража - четверо, по углам - стояла неподвижно, и в их глазах не было ни сочувствия, ни осуждения. Только покорность.

"Я предупреждал, - сказал отец. Голос ровный, как линия на пергаменте. - Ты не слушала. Ты выбрала свой путь, но этот путь ведёт мимо моего дома. Мимо моей репутации. Мимо моей власти".

Она хотела ответить. Сказать, что справедливость не бывает "мимо власти". Что если его власть держится на молчании - она ничего не стоит. Что голодные дети важнее его репутации. Что он должен был слушать её, а не чиновников.

Но он поднял руку, и стража шагнула вперёд.

"Ты хотела говорить за тех, у кого нет голоса, - сказал он, и в этих словах не было иронии, только холод. - Что ж. Посмотрим, как ты будешь говорить без своего".

Она не закричала. Не стала умолять. Только посмотрела на него - и в этом взгляде было всё то, что она хотела сказать. Он отвернулся первым.

Лезвие было холодным. А потом стало горячим. А потом не стало ничего - только вкус железа и тишина, которая обрушилась, как камень, и навсегда закрыла выход.

Лира у колонны закрыла лицо руками. Стража не шелохнулась. Отец стоял спиной к ней и смотрел в окно, где сад был залит утренним светом, и всё выглядело так, будто ничего не случилось.

Башня стояла на окраине дворцового парка - старая, узкая, сложенная из тёмного камня, будто вырезанная из самой скалы. Окна - щели, двери - железные, воздух - застывший.

Её привели туда в полдень, когда солнце стояло высоко и тени были короткими, будто и они боялись подходить близко.

"Десять лет, - сказал отец, не глядя на неё. - Десять лет, чтобы подумать над своим поведением".

Дверь закрылась. Замок лязгнул. И мир сузился до четырёх стен.

В первый день она сидела на полу и не двигалась. Не потому что сдалась, а потому что пыталась понять, что только что произошло. Мир, в котором она жила, мир, который она пыталась исправить, оказался не просто несправедливым, он был жестоким. Не случайно, а по решению. По выбору тех, у кого была сила.

Во второй день она попробовала заговорить. Звук вырвался глухой, чужой, не похожий на голос. Она замолчала и больше не пробовала.

На третий день она поднялась и начала ходить по башне. Считать шаги. Считать камни. Считать дни. И думать.

Думать она научилась быстро. Без слов, без споров, без попыток объяснить кому-то свою правду, только тишина и мысли, которые становились всё острее. Она думала о голодных детях в бедном квартале. О чиновниках, которые пришли к отцу жаловаться на неё. О Лире, которая стояла и молчала. О Сесилии, которая просто отвернулась и за это была выпорота. О Кае, который остался там, внизу, один, без её хлеба и без её упрямства.

И на двадцать первый день она поняла: мир не сломан. Мир устроен так. Несправедливость - это не ошибка системы, а её фундамент. И если это так, то тихий бунт - кормить бедных, подавать жалобы, просить - не работает. Нужно не просить. Нужно действовать.

Она обнаружила дракона на тридцатый день.

Сначала слышала глубокий, низкий звук, похожий на дыхание земли, не рык, не стон, а ровное, тяжёлое движение воздуха. Звук шёл снизу, из-под каменного пола, и она долго не могла понять, откуда именно.

Потом нашла люк. Тяжёлый, окованный железом, в углу башни. Она подняла его и увидела, что внизу, в каменной яме, сидел дракон. Не огромный, но и не маленький - размером с лошадь, тёмный, покрытый чешуёй, которая тускло поблескивала в свете, падавшем из щели. Его тело было обмотано путами - тяжёлыми и металлическими, впивающимися в чешую. Он не метался, не ревел. Он просто сидел и смотрел.

Его глаза были чёрными. Глубокими, как колодцы, и яркими, как угли. Она посмотрела в них и увидела там себя: не испуганную девочку, а тень, которая ещё не знает, что скоро станет чем-то большим.

Но не только себя. Он смотрел на неё так, будто давно ждал, когда кто-то заглянет в эту яму и не отведёт взгляд.

Она спустилась. Не осторожно, не боязливо - просто спустилась, будто это было естественно. Села рядом с ним на холодный камень и положила руку на его бок. Он был тёплый.

Гораздо теплее, чем она ожидала. И от этого тепла что-то внутри неё дрогнуло впервые за тридцать дней.

Дракон не двинулся. Только чуть повернул голову, чтобы его чёрный глаз оказался ближе к ней.

Она смотрела в этот глаз. Он - в её. И в этой тишине, без единого слова, произошло то, чего не произошло ни в одном разговоре с отцом: они поняли друг друга.

Она увидела в его глазах его семью. Других драконов - маленьких, больших, с разной чешуёй, огонь, крики, люди, которые пришли с оружием и убили их всех, а его - последнего - заковали в цепи и бросили в эту яму. Не за то, что он сделал. За то, что он был дракон.

А он увидел в её глазах её мир: дворец, хлеб в подоле, голодных детей, Кая, который смеялся, несмотря ни на что, клинок отца и тишину, которая заменила ей голос.

Прошёл месяц, потом два, потом полгода.

Каждый день она спускалась к нему. Сидела рядом. Гладила чешую. Смотрела в его глаза. Он читал её мысли, и она это знала. По тому, как он наклонял голову, когда она злилась. По тому, как тихо выдыхал, когда она вспоминала голодных детей. По тому, как его глаза темнели, когда она думала об отце.

Она училась говорить без слов. Училась слушать не ушами, а кожей, дыханием, движением воздуха. И он учил её: показывал, как замечать, когда кто-то лжёт, как читать намерение по позе, как чувствовать опасность раньше, чем она появится.

Он был не страж, не тюремщик. Он был наставник, пленённый так же, как она. Их объединяло не только горе, их объединяла жажда. Жажда справедливости.

Шли годы. Её календарём были трещины на стене, одна на каждый месяц. Трещин становилось всё больше, а её сомнений всё меньше. Мир прогнил не по краям, не в трущобах, а в сердцевине. Там, где принимают решения. Там, где власть выбирает молчание вместо правды.

И к седьмому году она перестала думать о справедливости как о чём-то, что можно попросить. Справедливость - это не просьба. Это удар. Точный, ровный, без лишней злобы, но и без пощады.

А к девятому году она знала точно: когда выйдет из этой башни, она не вернётся к тому, кем была. Девочка, которая носила хлеб в подоле, была хорошим человеком. Но хороший человек не меняет мир.

Дверь башни открылась спустя десять лет. Не торжественно, не с речами. Просто скрипнул замок, лязгнуло железо, и утренний свет хлынул внутрь, ослепив её на секунду.

Стражник, который открыл дверь, смотрел на неё с настороженностью: он помнил девочку, но не знал, что выйдет женщина. Худая, прямая, с глазами, в которых не было ни страха, ни радости. Годы заточения не согнули её. Они её заточили. Как клинок, который куют ударами, чтобы стал острее.

Она не оглянулась на башню. Не посмотрела в сторону дворца. Она знала, что ей нужно. И знала, где это лежит.

Во дворец она пробралась ночью. Она выросла в этих коридорах, и ноги помнили каждый поворот, каждую ступень. Стража сменилась, но расположение постов не изменилось: отец не любил перемен, и это стало его слабостью.

Кабинет отца был пуст. На столе - бумаги, печати, кубок с остывшим вином. А на стене, на чёрном бархатном креплении, - клинок. Тот самый. Тяжёлый, матовый, с лезвием, которое отняло у неё голос.

Она сняла его с крепления. Примерила руку - идеально, будто он был выкован для неё. Может, так оно и было: оружие, которое должно было её сломать, стало её оружием.

Дракон ждал.

Она вернулась к башне на рассвете, спустилась в яму и увидела, что он не спал. Он сидел, как всегда, прямой, с чёрными глазами, в которых горели угли. Он знал, что она вернётся. Он читал это в её глазах, когда она уходила.

Она подошла к нему, встала перед ним, подняла клинок. Посмотрела в его глаза, и он понял. Он всегда понимал.

Первый удар по путам. Металл лопнул с коротким звоном. Второй. Третий. Путы падали на камень, один за другим, и каждый звучал как слово - слово, которое она наконец произнесла.

Когда последний обрывок упал, дракон расправил крылья. Медленно, тяжело: они не двигались так долго, что мышцы с трудом слушались. Но расправил. И в этот момент он стал огромным не столько своим телом, сколько силой, которую держали в яме, но не сломали.

Он повернул голову к ней. Чёрные глаза, глубокие, как колодцы, нашли её взгляд.

Она не улыбнулась. Не кивнула. Просто встала рядом с ним, как встала в первый день, когда спустилась в эту яму.

И они вышли. Вместе.

Наутро город проснулся и не нашёл ничего: ни младшей дочери лорда Вэйра, ни дракона из башни, ни тяжёлого клинка с чёрного бархата. Только стражник у дворца вспомнил, что ночь была слишком тихой.

И только на стене башни, на уровне окна, осталась царапина - длинная, ровная, будто кто-то провёл лезвием по камню на память.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.